

Одна из интересных особенностей росписей, исполненных у западного входа в собор, заключается в том, что по содержанию они в отдельных случаях отвечают тем добавлениям к истории князя Владимира, которые появились в середине XVI в. и были включены в «Степенную книгу». В какой-то мере об этом свидетельствуют изображения Владимира с нимбом святого еще до его крещения (т. е., как и в «Степенной книге», бог в его лице избрал уже «себе сосуда благопотребна»). Так он показан избранным в первой сцене при встрече с посланниками разных религий (рассказ философа). Композиция производит впечатление, что в этом обсуждении веры не его посвящают, а как бы он сам, «разжигашеся», наставляет «мудрых людей» на испытание веры. Не менее важна последняя сцена — крещение Владимира. В «Степенной книге» в отличие от более ранних летописных известий и житий подробно описан обряд крещения князя. Так появляются в числе других такие детали, как купель и благословляющая его рука всевышнего: «...и виде Владимир своими очима с небеси руку, прикоснувшуся ему».¹⁶ Все это нашло себе место в настенном изображении. Правда, состояние фрески плохое, но сохранилась прорись, обозначающая облако, и над головой князя едва заметные живописные контуры исходящей из облака руки. Итак, князь Владимир, главный герой повествования в росписях на западной паперти, во многом подобен образу Владимира из «Книги степенной царского родословия».

Исключительный интерес представляет изображение сцены крещения Владимира в Средней Золотой палате кремлевского дворца (1548—1552 гг.), описание которой оставил Симон Ушаков. Композицию сопровождала надпись, близкая к тексту «Степенной книги»: «...и виде Владимир руку с небеси, и прикоснувшися и абие прозре».¹⁷ Это позволяет сделать вывод, что пространственный вариант жития Владимира Святославича «Степенной книги» складывался еще в конце 40-х—начале 50-х годов XVI в. и впервые он был иллюстрирован в дворцовых росписях после пожара 1547 г.

В печати высказывалось мнение о том, что композиции в лоджии иллюстрируют «Сказание о князьях Владимирских».¹⁸ Это не совсем так. Конечно, в XVI в. «Сказание» было важнейшим документом, отразившим в себе идеи создания централизованного государства, но все, что представлено в лоджии, более конкретно связано со «Степенной книгой», хотя ее составители, безусловно, разделяли и развили дальше политические воззрения, изложенные в «Сказании».¹⁹ Известно, что основное место в «Сказании» занимает повествование о князе Владимире Мономахе, в то время как о крещении Руси и Владимире Святославиче там всего одна строка.²⁰ В свою очередь сравнение текстов «Сказания» и «Степенной

¹⁶ Там же, стр. 94. Ср.: Повесть временных лет, стр. 77; В. И. Срезневский. Память и похвала князю Владимиру и его житие по списку 1494 г. — Записки императорской Академии наук. VIII серия, т. 1, № 6, СПб., 1897, стр. 10; А. А. Зимин. Память и похвала Иакова мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку. — В кн.: Краткие сообщения института славяноведения, № 37, М., 1963, стр. 73; ГИМ, Синодальная библиотека, «Великие Минен Четии» митрополита Макария (Успенские), № 996, л. 169 об.; Софийский временник, ч. 1, стр. 80; ПСРЛ, т. IX, стр. 54; т. XX, ч. 1, стр. 78; т. XXV, стр. 363.

¹⁷ И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М., 1884, ст. 1246.

¹⁸ Ю. Н. Дмитриев. Стенопись Архангельского собора, стр. 155; см. ред. прим.

¹⁹ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955 (далее: Р. П. Дмитриева), стр. 3, 13, 152—156.

²⁰ Там же, стр. 175—176, 189.